U 272/1438

Н. Я. Стечькинъ.

И 272/1438

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ И. С. ТУРГЕНЕВѢ.

(Съ приложеніемъ семи его неизданныхъ писемъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій, 136.
1903.

И 272/1438
155/546
3455

Н. Я. Стечькинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ И. С. ТУРГЕНЕВѢ.

(Съ приложеніемъ семи его неизданныхъ писемъ).

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
662
БИБЛІОТЕКА ПОКАЩЕНО ГЛАВНАГО ШТАБА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій, 136.
1903.

Дозволено ценз. СПБ., 30 Сентября 1903 г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ И. С. ТУРГЕНЕВѢ.

(Съ приложеніемъ семи его неизданныхъ писемъ).

I.

„Съ этой исторіей случилась исторія“, какъ говоритъ пасичникъ Рудый Панько въ своемъ предисловіи къ разсказу объ „Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ“.

Я никогда не предполагалъ печатать семи писемъ, написанныхъ ко мнѣ въ 1879—1881 годахъ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ. Ихъ слишкомъ личный характеръ казался мнѣ не представляющимъ интереса общественнаго... Въ концѣ прошедшаго года совершенно неожиданно для меня я получилъ брошюру подъ заглавіемъ „*Изъ рукописнаго собранія одесской городской публичной библіотеки.—I.* **Письма И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стечькинымъ.** *Изданіе гр. М. М. Толстого подъ редакціей М. Г. Попруженко*“.

Въ брошюрѣ заключались 65 писемъ И. С. Тургенева къ моимъ покойнымъ матери и сестрѣ. Письма эти, послѣ кончины ихъ въ 1900 году, были переданы второй сестрою моей одесской публичной библіотекѣ. Еслибы напечатаніе писемъ зависѣло отъ меня, я, вѣроятнѣе всего, на него не согласился бы. Но дѣло уже сдѣлано. Письма И. С. Тургенева ко мнѣ лишь дополняютъ вышеназванныя и дорисовываютъ добрыя отношенія его къ нашей семьѣ. Въ виду этого я, подчиняясь совѣтамъ нѣкоторыхъ друзей, рѣшился опубликовать коротенькія записочки ко мнѣ И. С. Тургенева и одновременно съ тѣмъ, ссылаясь, гдѣ нужно, на одесское изданіе писемъ знаменитаго романиста къ моимъ роднымъ, разсказать о знакомствѣ моемъ съ И. С. Тургеневымъ. Воспоминаніе о немъ теперь вполнѣ своевременно, такъ какъ 22 августа сего года истекло 20 лѣтъ со дня его кончины.

При исполненіи задуманнаго очерка я встрѣчаюсь, однако, съ двумя затрудненіями. Первое свойства чисто личнаго, второе—идейнаго.

Всякія воспоминанія о знаменитыхъ людяхъ вызываютъ у читателя подозрѣніе въ томъ, что авторъ хочетъ говорить не о знаменитости, чье имя поставлено во главѣ воспоминаній, а о себѣ самомъ, возвеличивать именно себя и изъ извѣстнаго имени того, о комъ вспоминаетъ, сдѣлать рекламу самому себѣ. Нерѣдко оно такъ и бываетъ. Памятуя объ этомъ, я, въ настоящемъ изложеніи моемъ, постараюсь какъ можно меньше говорить о себѣ, и то лишь въ случаяхъ, необходимыхъ для связи разсказа. Это—первое затрудненіе.

Второе же вотъ въ чемъ заключается. И. С. Тургеневъ, о которомъ я сохранилъ самое теплое, сердечное и благодарное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, и котораго высоко чту, какъ одного изъ первостепенныхъ русскихъ писателей, былъ, по убѣжденіямъ и взглядамъ, совершенно противоположенъ тому міросозерцанію, которое исповѣдуетъ авторъ этой замѣтки. Пишущему это необходимо большое безпристрастіе, чтобы, говоря объ убѣжденномъ западникѣ, убѣжденномъ либералѣ, Тургеневѣ, не погрѣшить ни противъ своего исповѣданія вѣры, ни противъ дорогой памяти о Тургеневѣ. Этому горю можетъ пособить лишь глубокое сознаніе, что И. С. Тургеневъ, никогда не бывшій политическимъ человѣкомъ, но почему-то болѣзненно желавшій, чтобы его таковымъ считали, подъ оболочкой западника на всю жизнь остался русскимъ, горячо, по своему, любившимъ и свою родину, и ея языкъ, однимъ изъ мастеровъ котораго онъ навсегда останется.

Сдѣлавъ эту оговорку, приступаю къ самому разсказу моему.

II.

Сестра моя, Любовь Яковлевна Стечькина (род. въ 1851 г. умер. въ 1900 г.), имѣя съ ранняго возраста склонность къ изящной словесности, написала въ 1874 году повѣсть „Первая гроза“. Сестра жила въ деревнѣ, знакомствъ въ журнальномъ мірѣ не имѣла, въ Петербургъ не ѣздила. Чисто переписанная повѣсть была отправлена въ „Отечественныя Записки“. Оттуда послѣ долгаго молчанія и неоднократныхъ писемъ сестры, повѣсть вернулась, какъ признанная неподходящей для напечатанія. Повѣсть, очевидно, и не развертывали, такъ какъ она вернулась въ той же бумагѣ, въ которую была заклеена сестрою, передъ обшивкой посылки холстомъ.

Понявъ это, сестра поѣхала въ Москву и обратилась въ „Русскій Вѣстникъ“. М. Н. Катковъ, прочитавъ самъ повѣсть, нашелъ въ ней признаки дарованія и напечаталъ ее въ іюлѣ 1875 года. По обычаю своему, онъ сдѣлалъ въ повѣсти сокращенія и измѣненія. Сестра, по неопытности въ журнальномъ дѣлѣ, подняла цѣлую бурю, надѣлав-

шую въ свое время нѣкоторый шумъ и вызвавшую ядовитую отповѣдь М. Н. Каткова (сентябрь „Русскаго Вѣстника“ 1875 года „Литературный курьезъ“).

Обстоятельства сложились, однимъ словомъ, такъ, что когда къ началу 1878 года сестра закончила свое второе произведеніе — „Кривыя деревья“, она не знала, куда ей съ нимъ обратиться. Ей пришла въ голову смѣлая мысль написать, незнакомому ей лично, И. С. Тургеневу и спросить его совѣта.

Отвѣтъ былъ скоро полученъ самый благопріятный. И. С. Тургеневъ писалъ:

50, rue de Douai, Paris.
Суббота, 30/18 марта 1878.

Милостивая государыня
Любовь Яковлевна!

Спѣшу отвѣчать на только что полученное мною ваше письмо. Я вашей повѣсти въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ не читалъ,—но помню—довольно, впрочемъ, смутно,—что по ея поводу была полемика въ газетахъ. Полемика эта, вѣроятно, теперь позабыта и не помѣшала бы появленію вашего новаго труда въ одномъ изъ „толстыхъ“ журналовъ. Изо всѣхъ этихъ журналовъ я состою въ сношеніяхъ только съ „Вѣстникомъ Европы“ и переписываюсь съ редакторомъ, г. Стасюлевичемъ. Я не знаю за нимъ никакой „брезгливости“, и онъ, конечно, приметъ съ охотою всякое произведеніе, въ которомъ признаетъ печать таланта. На мою рекомендацію онъ во всякомъ случаѣ обратитъ вниманіе, хотя и мнѣ случалось испытывать отказъ не однажды. Но мнѣ невозможно говорить о произведеніи мнѣ неизвѣстномъ; и потому—либо потрудитесь прислать мнѣ вашу повѣсть сюда (я выѣзжаю отсюда въ первыхъ числахъ мая), либо подождите моего пріѣзда въ Петербургъ.

Въ глазахъ остальныхъ г.г. редакторовъ моя рекомендація можетъ только повредить вамъ.

Въ ожиданіи вашего отвѣта, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи

Вашего покорнѣйшаго слуги
Ив. Тургенева.

Повѣсть была тотчасъ переписана и отправлена къ Тургеневу. Онъ написалъ автору по этому поводу слѣдующія два письма:

50, rue de Douai, Paris.
Пятница, 3 мая / 21 апр. 78

Милостивая государыня
Любовь Яковлевна!

Спѣшу извѣстить васъ, что получилъ сегодня вашу рукопись. Я немедленно примусь за нее и, какъ только кончу, напишу вамъ свое откровенное мнѣніе. Мнѣ это будетъ тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что вслѣдствіе припадка подагры я принужденъ сидѣть дома и раньше двухъ недѣль не выйду изъ комнаты.

Я получилъ также то письмо, въ которомъ вы такъ строго отзываетесь о собственномъ произведеніи. Буду стараться позабыть все, что вы сказали о немъ,—и приступлю къ чтенію безо всякихъ предвзятыхъ впечатлѣній, насколько это возможно.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи.

Вашъ покорнѣйшій слуга
Ив. Тургеневъ.

50, rue de Douai, Paris.
Вторникъ, $\frac{\text{7 мая}}{\text{25 апр.}}$ 78.

Милостивая государыня
Любовь Яковлевна!

Я прочелъ вашу повѣсть и вотъ что имѣю сказать вамъ: у васъ талантъ несомнѣнный, оригинальный, живой и даже поэтическій,—но „*Кривыя Деревья*“ печатать не слѣдуетъ, ибо я—извините рѣзкость выраженія — болѣе уродливаго или, говоря точнѣе, болѣе изуродованнаго произведенія не знаю! Все, что вы говорите въ вашемъ письмѣ о вашихъ двухъ герояхъ,—совершенно вѣрно и изобличаетъ въ васъ замѣчательное критическое чутье: тѣмъ удивительнѣе, тѣмъ непостижимѣе то, что вы сдѣлали! Задавшись задачей, которая только что подъ силу первоклассному таланту, а именно опредѣленіемъ и развитіемъ отношеній вашей героини къ Митѣ, поставивъ эту задачу вѣрно и тонко, вы вдругъ ни съ того, ни съ сего вводите въ вашъ разсказъ больного, исковерканнаго, и къ тому же никому ненужнаго и неинтереснаго субъекта, возитесь съ нимъ, заставляете его все перепортить, вводите мелодраматическія неожиданности,—словомъ, обращаете всю свою работу въ прахъ! Какъ это вы не почувствовали, что, напр., ночныя сочинительства Юрія производятъ впечатлѣніе комическое,—и отъ этого шутовства ваша живая, славная Варя пала?!!! И потомъ этотъ цитатъ изъ Беранже—что за хитро сплетенная, капризная патологія!! Вотъ ужъ точно можно повторить съ Лермонтовымъ:

А если и случалось имъ,
Такъ мы и слышать не хотимъ!

Въ клиникахъ бываютъ такіе факты, что больной возьметъ да откуситъ фельдшеру носъ - что-жъ? и это „возводитъ въ перлъ созданія“? Я потому говорю съ вами такъ рѣзко, что вижу въ васъ дарованіе, изъ ряду вонъ выходящее,—и что больно видѣть, какъ та-же рука, которая начертала, напр., хоть ту сцену, гдѣ Варенька купаетъ руки въ водѣ, и потомъ ту, когда Митя ночью приходитъ въ зимній садъ, — сцены, которыя бы сдѣлали честь любому изъ нашихъ писателей,—больно видѣть, какъ та - же рука путается въ какихъ-то вычурныхъ и скучныхъ арабескахъ! По моему, вамъ остается одно: совершенно отбросить 2-ю часть съ этимъ Юріемъ (котораго вы можете современемъ пустить въ дѣло въ другомъ разсказѣ),—хорошенько вдуматься въ исторію Мити, Вареньки и ея мужа и представить намъ правильное и вѣрное развитіе этой исторіи. Это будетъ живая и интересная вещь. Съ однимъ только усло-

віемъ. У васъ несомнѣнный даръ психологическаго анализа; но онъ часто переходитъ въ какую-то кропотливую нервозность, вы хотѣли уловить всѣ колебанія психическихъ состояній—и впадаете иногда въ мелочность, въ капризъ,—наконецъ васъ понять невозможно или очень трудно и безъ нужды, безо всякой пользы. (Такъ, напр., я, признаюсь, хоть и раза два перечиталъ, а все-таки не понялъ, что такое происходило въ Варенькиной душѣ послѣ первой поѣздки верхомъ?). Мнѣ иногда невольно припоминались слова одной барышни, которую я знавалъ въ молодости: „Это очень трудно, потому что легко; хоть съ другой стороны оно и легко, потому что трудно". Tirez vous de là! И потомъ, какъ это у васъ всѣ безпрестанно плачутъ, даже рыдаютъ, чувствуютъ страшную боль, потомъ сейчасъ необыкновенную легкость и т. д. Я не знаю, много ли вы читали Льва Толстого; но увѣренъ, что для васъ изученіе этого—безспорно перваго русскаго писателя — положительно вредно. Вы слишкомъ часто доказали, что вамъ *дѣло дается въ руки*, чтобы не бросить всю эту возню, эти пируеты на остріѣ булавки и т. д.

Однако довольно я васъ бранилъ; надо-жъ и похвалить... оно же и веселѣе. Вы пишете славнымъ языкомъ, несмотря на изрѣдка попадающіеся галлицизмы („фасонъ, *которымъ* было сшито это платье, давалъ чувствовать" и т. д.). Описанія ваши превосходны, рельефны, просты, жизненны. Всякій разъ, когда вы касаетесь природы,— у васъ выходитъ прелестно—и тѣмъ болѣе прелестно, что вы всего кладете два, три штриха, но *характерныхъ*... И въ психологической работѣ надо также поступать... car le secret d'ennuyer est celui de tout dire. Въ этомъ умѣніи класть характерные штрихи—я вижу вашъ *поэтическій* даръ. Словомъ, изъ васъ можетъ выдти писатель очень крупный; у васъ на то всѣ данныя. Развѣ вы сами возьмете да испортите себя. Сожалѣю, что не знаю, ни сколько вамъ лѣтъ, ни то, замужемъ вы или дѣвица?

P. S. Я раньше конца іюня (нашего стиля) не попаду въ Россію (такъ какъ сначала буду въ Карлсбадѣ),—и то не въ Петербургъ, а къ себѣ въ деревню прямо (черезъ Динабургъ)—орловской губерніи, мценскаго уѣзда. Но такъ какъ вы живете возлѣ Тулы, то намъ можно будетъ тамъ увидѣться. Скажите, что дѣлать съ вашей тетрадью? Я остаюсь здѣсь еще 3 недѣли.

Крѣпко жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Въ началѣ августа 1878 года Тургеневъ прибылъ въ Тулу и вызвалъ туда сестру. Въ личной бесѣдѣ онъ отнесся еще сердечнѣе къ молодой писательницѣ. Онъ много спорилъ съ нею относительно второй части ея романа и, наконецъ, добился отъ нея согласія совсѣмъ отложить вторую часть и написать ее заново, на новыхъ данныхъ. Какъ опытный художникъ, И. С. Тургеневъ находилъ, что драма героини, завязавшаяся между нею, ея мужемъ и ея двоюроднымъ братомъ,—существомъ, мало развитымъ умственно, но полнымъ горячей любви къ героинѣ,—должна и разрѣшиться между этими тремя лицами. Какъ это сдѣлать, Тургеневъ не указывалъ, а просилъ

сестру подумать, взвѣсить всѣ его слова и дать ему лично отвѣтъ, за которыми и пріѣхалъ къ намъ въ деревню 1 сентября 1878 года.

Я былъ въ Тулѣ по дѣламъ и, по приказанію матери, долженъ былъ встрѣтить Тургенева на тульскомъ вокзалѣ Сызрано-Вяземской желѣзной дороги и ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ деревню нашу алексинскаго уѣзда, тульской губерніи. Мнѣ было всего 24 года и, признаюсь, я до болѣзни робѣлъ первой встрѣчи съ Тургеневымъ. Прибывши на вокзалъ, я сразу узналъ рослую характерную фигуру Тургенева. Я представился, и робость какъ рукой сняло, вслѣдствіе простого и милаго обращенія Тургенева. Полтора часа въ вагонѣ, которые ушли на поѣздку отъ Тулы до станціи Суходолъ, лежащей въ верстѣ отъ нашей усадьбы, прошли незамѣтно. Тургеневъ не заставлялъ говорить меня, онъ говорилъ больше самъ. Рѣдко можно встрѣтить собесѣдника болѣе пріятнаго. Онъ совершенно не позировалъ. Онъ умѣлъ какъ-то особенно разнообразить свою рѣчь. Онъ переходилъ отъ предмета къ предмету, и рѣчь его казалась какъ бы болтовней, а между тѣмъ бесѣда его составляла одно красивое цѣлое. Онъ мало-помалу вводилъ слушателя въ кругъ своихъ воззрѣній, не навязывая ихъ ему. Первая бесѣда его со мною шла преимущественно о русскмъ романѣ. Онъ ни на минуту не упомянулъ о своей дѣятельности, какъ будто никогда ни одно произведеніе не вышло изъ-подъ пера его. Онъ говорилъ о томъ, что большой романъ не удается русскимъ писателямъ. Достигая совершенства въ небольшихъ повѣствованіяхъ, они, по мнѣнію Тургенева, не мастера въ длинныхъ романахъ.

— Одни англичане,—говорилъ Тургеневъ,—овладѣли этимъ секретомъ, а мы... Ну, возьмите графа Льва Толстого. Онъ теперь первый писатель не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Нѣкоторыя его страницы, напримѣръ, свиданіе Анны Карениной съ сыномъ, — какое совершенство! Когда я прочиталъ эту сцену, у меня книга изъ рукъ выпала. „Да! неужели,—говорилъ я мысленно, — можно *такъ* хорошо написать?“ А что-же: ни „Война и Миръ“, ни „Анна Каренина“, при всемъ геніи Толстого, не оставляютъ цѣльнаго впечатлѣнія отъ цѣльной вещи.

Разговоръ неминуемо коснулся моей сестры. Тургеневъ тепло отзывался объ ея дарованіи, повторивъ въ общихъ чертахъ то, что писалъ сестрѣ и, наконецъ, сказалъ:

— Да! У нея есть талантъ. Хотѣлось бы помочь ей помѣстить ея романъ, но не знаю, удастся ли. У меня, вѣдь, есть репутація, что я заурядъ оказываю протекцію и рекомендую всѣхъ, кто бы ко мнѣ ни обратился.

Онъ помолчалъ и добавилъ:

— А это неправда. Я бываю иногда очень строгъ. Вѣдь и сестру вашу я похвалилъ, критикуя ее. Былъ со мной однажды такой слу-

чай. Принесъ ко мнѣ начинающій драматургъ свою драму. Нѣчто ужасное. Приходитъ за отвѣтомъ. Я ему и говорю: „Позвольте васъ проэкзаменовать“.—Какъ?—„Да такъ: я дамъ вамъ тему одной сильной драматической сцены, а вы присядете за моимъ столомъ и набросаете ее. Тогда я вамъ укажу, чего вамъ недостаетъ“. Не сразу, но онъ согласился. „Тема такая,—сказалъ я.—Въ одной странѣ тиранъ убилъ своего законнаго государя и занялъ его тронъ. Сынъ убитаго скрылся въ сосѣднюю страну. Туда къ нему приходятъ одинъ за однимъ сторонники. Въ то время, какъ онъ ведетъ рѣчь съ однимъ изъ нихъ, прибываетъ новый бѣглецъ и на вопросы собесѣдника принца о томъ, что дѣлается на родинѣ и какъ живетъ его, собесѣдника, семья, новоприбывшій сообщаетъ, что изувѣрства тирана ростутъ не по днямъ, а по часамъ, и что жена и дѣти спрашивающаго злодѣйски умерщвлены. Какъ отнесся къ этой вѣсти осиротѣвшій мужъ и отецъ?“ Я усадилъ драматурга за свой столъ и ушелъ въ другую комнату. Черезъ часъ сцена была готова. Осиротѣвшій мужъ и отецъ кричалъ страшные монологи. Тогда я взялъ съ полки Шекспира, открылъ послѣднюю сцену 4-го дѣйствія „Макбета“, въ русскомъ переводѣ, и прочиталъ драматургу, какъ и что говоритъ Макдуфъ, узнавъ отъ Россе, въ присутствіи Малькольма, о своемъ горѣ. Макдуфъ только переспрашиваетъ: „Такъ и жену? Такъ и дѣтей?“ (т. е. убили), а Россе отвѣчаетъ: „да, и жену“, „да, и дѣтей“. Драматургъ понялъ, забралъ свою драму, забралъ вновь написанную сцену и ушелъ, чтобы болѣе не возвращаться.

Незамѣтно мы доѣхали до станціи Суходолъ. Сестра ожидала Ивана Сергѣевича на вокзалѣ. Чтобы сѣсть въ экипажъ, надо было перейти рельсы. Я удивился, что отъ рельсовъ сдѣланъ деревянный, слегка наклонный помостъ, посыпанный желтымъ свѣжимъ пескомъ. Оказалось, что это начальникъ нашей маленькой станціи устроилъ для Тургенева, узнавъ изъ телеграммы къ сестрѣ о его пріѣздѣ. Простодушный поклонникъ Тургенева хотѣлъ даже покрыть помостъ краснымъ сукномъ, но сестра уговорила этого не дѣлать, чтобы не вышло смѣшно. Тургеневъ замѣтилъ вниманіе, понялъ его и былъ тронутъ. Въ то время никто его вниманіемъ не баловалъ, и онъ менѣе, чѣмъ кто-либо, могъ ожидать совершившагося черезъ полгода послѣ описываемаго дня переворота въ общественномъ мнѣніи и внезапнаго новаго увлеченія давно уже повергнутымъ въ прахъ кумиромъ.

имени В. И.

III.

Иванъ Сергѣевичъ пробылъ у насъ въ деревнѣ полсутокъ, съ 2 ч. дня до 2 ч. ночи. Онъ вдоволь наговорился съ Любовью Яковлевной. Бродя по длиннымъ старымъ липовымъ аллеямъ нашего сада и по березовой саженой рощѣ, служившей его продолженіемъ, Тургеневъ выяснялъ сестрѣ свои взгляды на искусство. Попавши, послѣ своей парижской квартиры и своего шалэ въ Буживалѣ, въ деревенское великорусское захолустье, съ огромнымъ домомъ и огромнымъ садомъ, Тургеневъ чувствовалъ себя, вѣроятно, какъ въ своемъ родномъ Спасскомъ-Лутовиновѣ. Онъ развернулся во всю простоту и ширь своей русской души: спорилъ о сортахъ яблокъ въ фруктовыхъ куртинахъ, искалъ „коричневыхъ“ и „воргулька“ и, найдя, добродушно улыбался и ѣлъ яблоки за обѣ щеки, хотя и выражалъ опасеніе за послѣдствія невоздержности. Аппетитъ у него вообще былъ превосходный. Какъ теперь, помню нашъ общій конфузъ, когда горчичный соусъ къ селедкѣ, по недосмотру, оказался съ сахаромъ, но Ивану Сергѣевичу именно это и понравилось. Онъ ѣлъ селедку съ удовольствіемъ и только похваливалъ. Онъ, какъ оказалось, очень любилъ сладкое и въ стаканъ чаю клалъ по шести-семи кусковъ сахару и по стольку же чайныхъ ложекъ варенья.

Тургеневъ радовался русскимъ щамъ за обѣдомъ и остался равнодушенъ къ цвѣтной капустѣ, несмотря на ея исключительную бѣлизну и величину.

— Неужели это вы здѣсь выращиваете, такія choux-fleur? — спросилъ онъ сестру за обѣдомъ.

Покойная Любовь Яковлевна, бывшая безподобнымъ садоводомъ и огородникомъ, даже зардѣлась отъ похвалы, но скоро была разочарована: Тургеневъ ея цвѣтной капусты и не попробовалъ. „Это у насъ и тамъ (т. е. во Франціи) есть“,—молвилъ онъ.

Это воспоминаніе о Франціи и о добровольныхъ узахъ, его съ нею связывавшихъ, было у Тургенева постояннымъ. „Я сегодня писалъ моей старушкѣ“... (т. е. г-жѣ Віардо, которой онъ посылалъ письма ежедневно). „Я не свилъ своего гнѣзда, я прилѣпился на краешкѣ чужого“... Эти фразы были обычны Тургеневу, и онъ не стѣснялся повторять ихъ. Онъ и такъ понималъ, что про его дружбу съ семьей Віардо плетутъ были и небылицы.

Время отъ времени, среди бесѣды, Тургеневъ доставалъ изъ жилетнаго кармана пузыречекъ съ нашатырной солью и нюхалъ. Покойная моя матушка, нюхавшая тоже соль передъ началомъ мучившихъ ее мигреней, спросила:

— У васъ голова болитъ, Иванъ Сергѣевичъ?

— Нѣтъ! Это мнѣ нюхательный табакъ замѣняетъ. Я не курю, но очень люблю нюхать табакъ. Когда я въ Россіи, то и нюхаю, но дома, во Франціи, мнѣ это запрещаютъ. Какъ тронусь туда, такъ табакерку оставляю въ Спасскомъ и обманываю себя нюханьемъ соли.

Тургеневъ много и охотно говорилъ въ этотъ день. Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка и всего припомнить, конечно, нельзя, но въ памяти у меня особенно врѣзалось слѣдующее:

Матушка моя задала вопросъ Тургеневу о томъ, почему онъ въ полное собраніе своихъ сочиненій не включаетъ стиховъ.

— Какъ вамъ сказать, Любовь Николаевна,—стихи, какъ устрицы. Они или должны быть превосходны, или они ни на что не нужны.

Матушку мою, поклонницу Тургенева съ первыхъ его литературныхъ шаговъ, читавшую во время ихъ появленія въ свѣтъ и „Парашу", и „Андрея", и „Помѣщика", поразили эти слова, и она, лишь по отъѣздѣ Тургенева, взвѣсила и оцѣнила ихъ. Тургеневъ былъ совершенно правъ, и приведенныя слова его слѣдовало бы помнить многимъ и многимъ изъ нашихъ виршекропателей, которые отъ души рады, что не нарушили размѣра, подобрали риѳмы и сумѣли чередовать риѳмы мужскія съ женскими. Они—уже поэты и бѣдныя мученицы-редакціи стонутъ отъ натиска той безформенной стиховной желатины, которою эти злосчастные запружаютъ и здравый смыслъ, и сорныя редакціонныя корзинки.

Говорили и о драматическомъ искусствѣ, о знаменитыхъ артистахъ. Изъ насъ тогда никто не видалъ еще Сары Бернаръ. Слава ея въ то время (1878 годъ) была уже настолько громка, что слышать и читать о ней много приходилось. Спросилъ кто-то изъ насъ Ивана Сергѣевича объ интересовавшей насъ артисткѣ. Мы ожидали похвалъ, но Тургеневъ разразился такой филиппикой противъ знаменитой актрисы, что пришлось замолчать. Какъ видно и изъ опубликованнаго перваго собранія писемъ Тургенева, онъ отрицалъ въ Сарѣ Бернаръ все, кромѣ чуднаго голоса. „И далъ же Богъ Сарѣ Бернаръ и жабѣ чудные голоса!"—любилъ повторять Тургеневъ. Онъ считалъ ее кривлякой безъ чувства и таланта. При рѣчи о ней онъ настолько кипѣлъ негодованіемъ, что невольно приходило въ голову—„не его это собственное мнѣніе". Оно такъ и было. Тургеневъ повторялъ мнѣніе г-жи Полины Віардо, передъ которою во всѣхъ случаяхъ поклонялся, а въ вопросахъ искусства и подавно. Тургеневъ даже со своего кресла у камина вскочилъ и забѣгалъ по „диванной", гдѣ мы сидѣли. Онъ изгибалъ свой огромный станъ, встряхивалъ своей львиной сѣдой головой и, весь красный отъ негодованія, изобразилъ въ каррикатурѣ знаменитую актрису. Какъ потомъ, увидавъ Сару Бернаръ, я убѣдился,—каррикатура Тургенева была очень удачна. Не довольствуясь декламаціей нѣсколькихъ стиховъ изъ

„Федры“, Тургеневъ быстро перешелъ въ сосѣдній съ диванной кабинетъ моей покойной матушки и, присѣвъ къ письменному столу набросалъ на клочкѣ бумаги перомъ очень удачную каррикатуру Сары Бернаръ. Тургеневъ былъ великимъ мастеромъ въ такихъ бѣглыхъ набросках. Имъ даже была придумана, благодаря этому его искусству, особая игра, которая во время жительства г-жи Віардо въ Баденѣ, очень практиковалась въ ея домѣ. Игра заключалась въ томъ, что Тургеневъ рисовалъ профиль, а участвующіе въ игрѣ, каждый по очереди, должны были подъ профилемъ писать характеристику лица имъ изображаемаго. Штрихъ Тургенева былъ настолько характеренъ, что всѣ опредѣленія, въ общемъ, сходились.

Набросанная Тургеневымъ каррикатура Сары Бернаръ долго сохранялась у жившей въ то время съ нашей семьей двоюродной сестры моей А. А. Заблоцкой, но затѣмъ, къ сожалѣнію, ею утрачена.

Рѣчь о Сарѣ Бернаръ навела Тургенева на бесѣду о другихъ артисткахъ. Оказалось, что онъ совсѣмъ почти незнакомъ съ современными тогдашними русскими артистами и все болѣе говорилъ о покойномъ Мартыновѣ, котораго ставилъ изъ ряду вонъ высоко. Во времена своего студенчества въ Петербургѣ Тургеневъ видалъ супруговъ Каратыгиныхъ. Онъ относился съ полнымъ и горячимъ порицаніемъ къ мелодраматическимъ и псевдоклассическимъ пріемамъ знаменитой артистической четы.

Какъ поклонникъ реализма въ драматическомъ искусствѣ, какъ человѣкъ, до конца жизни увлекающійся, Иванъ Сергѣевичъ отрицалъ даже вовсе въ В. А. Каратыгинѣ его выдающійся талантъ.

Изъ бесѣды Тургенева въ этотъ дорогой для нашей семьи день остался въ памяти еще одинъ характерный разсказъ. Зашла рѣчь о только что минувшей войнѣ 1877—78 годовъ. Тургеневъ сочувствовалъ борьбѣ за освобожденіе славянъ. Тому служитъ доказательствомъ его, въ видѣ исключенія напечатанное имъ въ послѣдніе годы жизни, стихотвореніе „Крокетъ въ Виндзорѣ“. Но, такова уже закваска западническаго либерализма, онъ ни за что не показалъ бы своего восторга передъ русской побѣдой, или своего восхищенія передъ русскимъ освободительнымъ подвигомъ.

Я, заговоривъ о войнѣ, сталъ приводить примѣры подвиговъ русскихъ войскъ на сушѣ и на морѣ.

— Все это прекрасно,—отозвался Тургеневъ,—и дѣлаетъ честь вашему патріотизму, но не забывайте одного: когда начинаютъ приводить историческія слова, то неизбѣжно говорятъ неправду. Никогда Францискъ I, послѣ битвы при Павіи, не восклицалъ: „все потеряно, кромѣ чести“, никогда Костюшко при Маціовицахъ не говорилъ: „finis Poloniae“, никогда графъ д'Артуа (впослѣдствіи Карлъ X) не произносилъ, вернувшись во Францію, во времена ре-

ставраціи, словъ: „ничего не измѣнилось во Франціи, стало лишь однимъ французомъ больше“. Всѣ эти превосходныя слова изобрѣтены позднѣе и съ полной добросовѣстностію. Быть можетъ, даже тѣ, кому эти слова приписывались, вѣрили, что они ихъ говорили. Это бываетъ. Вродѣ какъ съ Хлестаковымъ. Отсутствіе этихъ парадныхъ словъ не уменьшаетъ достоинства и стоимости факта. Хотите, я разскажу вамъ, какъ въ самый день совершенія событія безусловно достовѣрные очевидцы повѣствовали о немъ?

Мы, слушатели, попросили Ивана Сергѣевича продолжать.

— Видите ли,—сказалъ онъ,—дѣло было лѣтомъ 1862 года; манифестъ 19 февраля 1861 г. только что былъ введенъ въ дѣйствіе. Государь (Александръ II) ѣхалъ изъ Петербурга на югъ. Желѣзная дорога была только до Москвы. Далѣе Государь ѣхалъ на лошадяхъ. На станціяхъ ему представлялись старшины и старосты лежавшихъ по пути мѣстностей. Государь принималъ хлѣбъ-соль и говорилъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ крестьянамъ. Смыслъ словъ былъ одинъ: Государь, какъ и въ манифестѣ 19 февраля, выражалъ надежду, что освобожденный народъ сумѣетъ повиноваться указаніямъ закона. Путь Государя лежалъ мимо моего Спасскаго. Я рѣшилъ поѣхать на станцію, посмотрѣть на царскій проѣздъ, но, къ сожалѣнію, заболѣлъ. Я сказалъ старшинѣ и старостѣ, чтобы они, послѣ проѣзда Государя, пришли и разсказали мнѣ, какъ все было. Они явились въ полномъ восторгѣ, ликующіе. Разсказываютъ. „Стоимъ, это, мы съ хлѣбомъ-солью и ждемъ. Скачетъ коляска, а въ ней генералъ, баки—во. Мы въ голосъ—„ура“. А намъ: „Дураки! это Адлербергъ“. Наконецъ, скачетъ самъ, подъѣхалъ, поднялся въ коляскѣ. Видимъ, солнце наше! Мы—въ ноги. „Здравствуй, нашъ Бѣлый Царь!“ А онъ, батюшка, стоитъ въ коляскѣ, да какъ крикнетъ на насъ: „Какой я вамъ—Бѣлый Царь? Я—Государь Императоръ! Повиноваться!“ Ударилъ себя въ грудь кулачкомъ и поскакалъ дальше. И голоса не слышно, а только ручкой машетъ — „повиноваться“. Вы видите, этотъ нелѣпый разсказъ несовмѣстенъ ни съ характеромъ, ни съ кроткой мягкостью Государя. А разсказывали это тѣ, которые сами „видѣли и слышали“, и разсказывали черезъ два часа послѣ мнимаго событія, наивно полагая, что правдиво и буквально передаютъ незабвенныя для нихъ слова. Вотъ какъ пишется исторія!

Въ деревнѣ ложатся рано. Тургенева сталъ тоже клонить сонъ. Его уложили часа на полтора. Въ половинѣ перваго я его разбудилъ и проводилъ на вокзалъ. Мягко катилась карета по грунтовой дорогѣ. Тургеневъ опустилъ всѣ стекла. Луна освѣщала теплую осеннюю ночь. Деревья начали надѣвать золотистый уборъ.

— Какъ они хороши,—сказалъ мечтательно Тургеневъ.—Точно

золотомъ ихъ убрали передъ смертью. У насъ тамъ, право, нѣтъ такихъ видовъ. Грудь вольнѣе дышетъ средь этихъ родныхъ равнинъ.

Подошелъ поѣздъ. Тургеневъ обнялъ и поцѣловалъ меня. „А сестрѣ скажите,—говорилъ онъ, стоя на платформѣ вагона,—пусть пишетъ. Ей самъ Богъ велѣлъ писать“.

Потомъ я увидалъ Тургенева уже при другихъ обстоятельствахъ.

Любовь Яковлевна работала, по совѣтамъ и указаніямъ своего учителя. 24 декабря 1878 года Иванъ Сергѣевичъ писалъ ей изъ Парижа:

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, я получилъ вторую часть вашего романа, немедленно прочелъ ее, пропустилъ день, перечелъ ее, опять, — и вотъ мое впечатлѣніе: надо тотчасъ это напечатать — и переправлять не для чего: вы лучше не сдѣлаете, и то, что сдѣлано очень хорошо, оригинально, смѣло... смѣло до того, что *почти* невозможно. — Это очень странная, но *живая* вещь... а это главное. Иное мнѣ показалось до того „крутымъ“, что такъ и летишь вмѣстѣ съ авторомъ въ какой-то оврагъ. Однако упавши, чувствуешь, что ничего не сломано,—и опять спѣшишь впередъ. Не могу вторично не выразить своего удивленія, какъ это вамъ, именно вамъ, при вашей обстановкѣ, пришелъ въ голову такой сюжетъ, и какъ это вы съ нимъ справились? Конецъ особенно очень хорошъ—или, говоря точнѣе, хорошо то, что нѣтъ конца... Я боялся, какъ бы вы не сочли нужнымъ округлить, примирить—„versöhnen“, какъ говорятъ нѣмцы... но и тутъ васъ спасъ вашъ художественный инстинктъ. Взятъ и поставленъ передъ читателемъ кусокъ жизни; а тамъ, пускай онъ придумываетъ послѣдствія и выводы. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что на васъ посыплются всяческіе критическіе укоры и нареканія; но найдутся люди, которымъ вы станете дороги—и которые поймутъ, что они имѣютъ дѣло съ живой литературной физіономіей. Къ тому же, мнѣ сдается, что при всей вашей впечатлительности и женственности—вы не робкаго десятка... Слѣдовательно, толковать нечего... а надо печатать.

Но не полагаете ли вы, что слѣдуетъ прислать сюда и первую часть, а ужъ я отправлю обѣ къ Стасюлевичу? Немногочисленные грамматическіе промахи и провинціализмы (какъ напр.: „вершина“ вмѣсто „оврагъ“) я, съ вашего разрѣшенія, исправлю. Если вы раздѣляете мое мнѣніе, то не мѣшкайте присылкой: надо, чтобы вашъ романъ былъ въ “В(ѣстникѣ) Е(вропы) *до* весны“.

А засимъ, крѣпко и дружески жму вашу руку, которая призвана написать еще много, много хорошихъ вещей. Поклонитесь отъ меня вашей матушкѣ и вѣрьте въ искреннее и горячее сочувствіе

преданнаго вамъ

Ив. Тургенева.

Черезъ два дня Тургеневъ писалъ вновь:

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, я третьяго дня писалъ вамъ, а сегодня пишу опять нѣсколько строкъ—во-первыхъ для того, чтобы подтвердить все сказанное въ первомъ письмѣ, а во-вторыхъ для

того, чтобы подвергнуть вашему усмотрѣнію: не перемѣнить ли заглавіе вашего романа? „Кривыя деревья“ что-то очень напоминаютъ затѣйливыя заглавія критическихъ статей въ „Дѣлѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ („Сердитое безсиліе“ и т. п.),—а къ тому же: это названіе, по моему, не совсѣмъ вѣрно: не деревья кривы у васъ,—т. е.: не сами по себѣ они кривы, а какая-то стихійная сила ихъ ломаетъ и гнетъ. Впрочемъ, я могу ошибаться; подумайте, и если вы не найдете ничего лучшаго,—оставимъ: „Кривыя деревья“.

Не замѣшкайте прислать первую часть.

Еще разъ поздравляю васъ съ оригинальнымъ талантомъ — въ чемъ вы, конечно, невиноваты—такъ ужъ Господь Богъ велѣлъ,—и дружески жму вашу руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Любовь Яковлевна просила у Тургенева позволеніе посвятить романъ ему. Онъ отвѣчалъ:

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, мнѣ приходится отвѣчать на три вашихъ письма! Одна изъ причинъ, извиняющихъ или изъясняющихъ мое молчаніе, было ожиданіе вашего романа,—т. е. первой части. Я хотѣлъ кстати извѣстить васъ и объ этомъ. Изъ послѣдняго вашего письма я вижу, что я не получу этой части раньше конца будущей недѣли, и потому я теперь же могу сказать вамъ, что принимаю ваше посвященіе, какъ великую честь,—хотя, при настоящемъ настроеніи нашей публики,—мое имя можетъ только повредить вамъ. Но повторяю: это посвященіе я считаю честью—и благодарю васъ. Что же касается до заглавія—я очень радъ, что вы согласны со мною; всякое другое будетъ лучше, и изъ тѣхъ, которыя вы мнѣ пришлете, я постараюсь выбрать лучшее. (Съ тѣхъ поръ какъ я писалъ вамъ, я вспомнилъ, что г. Михайловъ сочинилъ романъ, подъ названіемъ „Гнилыя болота“... Гнилыя болота, кривыя деревья... нѣтъ, это не годится). Еслибы не существовало Герценовскаго романа я бы назвалъ ваше произведеніе: „Кто виноватъ?“ Къ нему еще лучше бы шло шекспировское (въ Лирѣ): „Ни правыхъ, ни виноватыхъ“. Все, что вы говорите объ этомъ—въ вашемъ письмѣ, очень важно и тонко; и эпиграфъ очень хорошъ. Мой взглядъ на весь этотъ вопросъ нѣсколько объективнѣе вашего: вотъ и все. Дядя—воспитатель виноватъ въ томъ, что сталось изъ Вареньки; но въ его винѣ—кто виноватъ? Опять-таки стихія русской жизни. Впрочемъ — все это—„Spitzfindigkeiten“, какъ говорятъ нѣмцы. Главное: нужно перемѣнить заглавіе. Ваша вещь, какъ всѣ хорошія вещи, сложилась въ васъ сама собою, полусознательно; вполнѣ сознательное заглавіе не идетъ.

Тотъ часъ по полученіи первой части я ее просмотрю и вмѣстѣ со второй отправлю къ Стасюлевичу, который уже предупрежденъ.

Въ письмѣ отъ 19 января 1879 года онъ писалъ:

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, сегодня только два слова—съ тѣмъ, чтобы извѣстить васъ о благополучномъ прибытіи 1-й части. Сегодня же примусь за чтеніе. Уже теперь могу вамъ сказать, что

лучшее заглавіе, по моему: „Варенька Ульмина“. Просто и безпритязательно. Очень много капитальныхъ вещей озаглавлено такимъ образомъ (Оливеръ Твистъ, Адамъ Бидъ, Евгеній Онѣгинъ, Анна Каренина и т. п.).

Желаю вашему роману участь, подобную участи поименованныхъ произведеній.

Романъ, такъ и напечатанный (въ ноябрѣ и декабрѣ „Вѣстника Европы“ за 1879 годъ) подъ заглавіемъ „Варенька Ульмина“, видимо занималъ Тургенева. Онъ писалъ автору 27 января:

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Сейчасъ кончилъ незначительныя переправки въ вашемъ романѣ—и какое бы ни было мнѣніе о немъ публики,—повторяю вамъ: у васъ несомнѣнный, правдивый, поэтическій талантъ—и я радъ, что мнѣ пришлось быть въ нѣкоторомъ родѣ его крестнымъ отцомъ. Меня по прежнему поразили сцены между Митей и Варенькой въ зимнемъ саду и т. д., и я, когда увижу васъ, доставлю собѣ удовольствіе поцѣловать руку, которая ихъ написала.

Романъ вашъ я самъ повезу въ Петербургъ и передамъ Стасюлевичу: я выѣзжаю отсюда черезъ три дня—въ Петербургѣ пробуду 24 часа всего—и надѣюсь прибыть въ Москву къ 6 февр. ст. ст.

Вѣроятно мнѣ, придется съѣздить въ деревню, и я, конечно, заверну къ вамъ. А, можетъ быть, вы, вмѣстѣ съ вашей матушкой, удосужитесь съѣздить въ Москву? Впрочемъ мы обо всемъ этомъ спишемся. Я ѣду отсюда черезъ Брюссель. Тамъ живетъ мой старинный пріятель, П. В. Анненковъ, издатель Пушкина, человѣкъ, одаренный замѣчательно вѣрнымъ критическимъ взглядомъ. Я ему, бывало, подвергалъ всѣ мои произведенія до ихъ напечатанія.

Я ему прочту и ваше: посмотримъ, что онъ скажетъ. Я вамъ передамъ его замѣчанія, которыми, если придется, можно будетъ воспользоваться.

И такъ, до свиданія. Кланяюсь всѣмъ вашимъ и крѣпко жму вашу руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Тургеневъ показалъ романъ Любови Яковлевны П. В. Анненкову и писалъ ей 13 февраля 1879 года, между прочимъ:

Я проѣздомъ черезъ Брюссель показывалъ ее (повѣсть) Павлу Васильевичу Анненкову.

Она произвела на него самое хорошее впечатлѣніе, и только онъ сдѣлалъ два-три весьма вѣрныхъ замѣчанія, которыя я передамъ вамъ и воспользоваться которыми (если вы найдете ихъ справедливыми)—будетъ вамъ очень легко.

IV.

Слѣдующій пріѣздъ И. С. Тургенева въ Россію состоялся въ февралѣ 1879 года. Тургеневъ пріѣхалъ по дѣламъ наслѣдства послѣ своего брата, Николая Сергѣевича.

Въ Москвѣ онъ, по обычаю своему, остановился у своего стараго друга Ивана Ильича Маслова, управляющаго московской удѣльной конторой. Этотъ милѣйшій и добрѣйшій старый холостякъ, съ шаблонной физіономіей чиновника прежняго времени, казалось, на первый взглядъ не могъ имѣть ничего общаго съ Тургеневымъ.

Между тѣмъ Тургеневъ любилъ и уважалъ Маслова и цѣнилъ его житейскую опытность и его мнѣнія.

Иванъ Ильичъ былъ большой знатокъ музыки и художествъ. Какъ членъ русскаго музыкальнаго общества, Масловъ былъ близокъ къ консерваторіи, гдѣ всегда открывалъ, иногда увлекаясь не въ мѣру, таланты. Его огромная холостая квартира въ удѣльной конторѣ нерѣдко оглашалась звуками музыки: это хозяинъ угощалъ своихъ друзей игрою на роялѣ разысканной имъ талантливой консерваторки.

У И. И. Маслова останавливался не только И. С. Тургеневъ. Его частымъ гостемъ бывалъ другой выдающійся русскій человѣкъ, М. Д. Скобелевъ. Бывало и такъ, что они оба, по нѣскольку дней къ ряду, одновременно, жили подъ гостепріимной кровлей Маслова. Старшій его слуга, фамильярный съ „господами", острилъ: „у насъ ноньче гости—и военный генералъ-съ, и генералъ отъ литературы".

Зная, что И. С. Тургеневъ въ Москвѣ, я, проѣздомъ изъ тульской губерніи въ Петербургъ, посѣтилъ его. Я засталъ Ивана Сергѣевича надъ рукописью романа сестры. Онъ сразу заговорилъ о ней и о будущей „Варенькѣ Ульминой". Затѣмъ разспрашивалъ онъ меня обо мнѣ лично. Узнавъ, что я временно проживаю въ Петербургѣ, въ виду желанія поступить на государственную службу, Иванъ Сергѣевичъ сталъ уговаривать меня остаться въ Москвѣ и служить подъ начальствомъ И. И. Маслова. По личнымъ соображеніямъ, я отказался, попросивъ у него позволенія обратиться къ его рекомендаціи, въ случаѣ, если встрѣтится къ тому надобность. Я уѣхалъ въ Петербургъ и все нижеописанное узналъ уже потомъ отъ сестры.

Тургеневъ вызвалъ сестру мою въ Москву для свиданія съ нимъ и окончательныхъ переговоровъ о ея романѣ.

Любовь Яковлевна не замедлила пріѣхать съ упомянутой выше кузиной нашей Заблоцкой. Въ день пріѣзда молодыхъ дѣвушекъ Тургеневъ навѣстилъ сестру въ „Славянскомъ Базарѣ". У пріѣзжихъ онъ встрѣтилъ давнюю поклонницу свою, нашу знаменитую русскую

и московскую артистку, Гликерію Николаевну Ѳедотову. Ранѣе они знакомы не были. Увидавъ Тургенева, Г. Н. Ѳедотова стала просить его посѣтить ее. Онъ далъ слово прибыть въ ближайшее воскресенье. Это было воскресеньемъ второй недѣли великаго поста 1879 г. и до него оставалось всего два-три дня.

Въ это самое воскресенье совершилось нѣчто, совершенно для Тургенева неожиданное. Сдавшись на долгія настоянія Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго, Тургеневъ согласился прибыть въ воскресенье на засѣданіе общества любителей россійской словесности, въ физической аудиторіи московскаго университета. Писемскій, въ засѣданіи этомъ, долженъ былъ читать нѣсколько главъ своего новаго романа „Масоны". Тургеневъ колебался ѣхать, такъ какъ боялся какой-либо неблагопріятной для себя выходки. Популярность его среди публики въ то время стояла ниже нуля. И. И. Масловъ уговаривалъ пріятеля ѣхать, но самъ нестерпимо трусилъ за него и уклонился отъ посѣщенія засѣданія.

Физическая аудиторія московскаго университета въ то время изображала изъ себя большой залъ въ два свѣта, съ крутымъ амфитеатромъ мѣстъ для слушателей и съ хорами. Отворивъ главную входную дверь, посѣтитель тотчасъ же долженъ былъ подняться на три ступени эстрады. Въ дверь эту входили во время лекцій профессора, во время засѣданій—члены общества (въ данномъ случаѣ о — ва любит. росс. словесн.), слушатели же проникали въ залу боковыми дверями. Противъ главной двери, въ близкомъ отъ нея разстояніи, заслоняя ее отъ зрителей, на эстрадѣ стоялъ большой бѣлый экранъ для отбрасыванія на немъ, при соотвѣтственныхъ чтеніяхъ, изображеній волшебнаго фонаря.

Тургеневъ, какъ дѣйствительный членъ общества любителей россійской словесности, вошелъ на засѣданіе чрезъ главную дверь. Въ моментъ его входа, по странной случайности, экранъ упалъ напередъ. Легко можетъ статься, что неуклюжій, неповоротливый, огромный Тургеневъ неловкимъ движеніемъ столкнулъ это легкое построеніе. Но, какъ бы тамъ ни было, его крупная фигура съ характерной сѣдой головой внезапно появилась предъ многочисленной публикой. Раздались прямо неистовыя рукоплесканія и съ хоръ, когда они начали смолкать, послышался голосъ. Говорилъ студентъ (кажется, Викторовъ по фамиліи). Онъ привѣтствовалъ Тургенева, но нѣсколько съ высоты своего юнаго величія, нѣсколько покровительственно. Потомъ этотъ оттѣнокъ разобрали и отмѣтили, но въ то время восторгъ былъ общимъ и единодушнымъ. Ему подчинилось и общество любителей россійской словесности: незабвенный по чистотѣ своей души и вѣчно юному энтузіазму, послѣдній изъ романтиковъ, предсѣдатель общества Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, поспѣ-

шилъ провозгласить Тургенева почетнымъ членомъ общества любителей россійской словесности. Рѣшеніе общества вызвало новыя рукоплесканія, и этимъ днемъ открылась серія безпрерывныхъ овацій Тургеневу. И возстановилась его популярность, поруганная, неизвѣстно почему, послѣ „Отцовъ и дѣтей“.

Когда Тургеневъ вернулся съ засѣданія въ удѣльную контору, то его блѣдный, растерянный видъ поразилъ какъ Ивана Ильича Маслова, такъ и мою сестру и кузину, ожидавшихъ возвращенія Тургенева, чтобы ѣхать съ нимъ къ Г. Н. Ѳедотовой. И. И. Масловъ сразу рѣшилъ, что вышелъ скандалъ, и высказалъ свое предположеніе. Каково же было его удивленіе, когда, сбитый буквально съ толку неожиданностью, Тургеневъ разсказалъ обо всемъ происшедшемъ.

Онъ былъ такъ разбитъ, такъ потрясенъ, что съ мѣста наотрѣзъ отказался исполнить обѣщаніе, данное имъ Гликеріи Николаевнѣ. Кое-какъ его уговорили. Кутаясь въ свою ужасную старую, крытую зеленоватымъ сукномъ енотовую шубу, дрожа еще все, какъ въ лихорадкѣ, Тургеневъ позволилъ А. А. Заблоцкой отвезти его въ гостепріимный флигель-особнякъ, который занимала Г. Н. Ѳедотова въ Леонтьевскомъ переулкѣ, на дворѣ дома Мамонтова. Тамъ уже ждали Тургенева и ждали нетерпѣливо. Былъ изготовленъ чудный пирогъ. Попугай, всегдашній житель столовой нашей великой артистки, былъ задернутъ въ своей клѣткѣ занавѣской, чтобы повтореніемъ своего крикливаго репертуара (вродѣ: „О, ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!“, или „Rodrigue as-tu du coeur“) не нарушить торжественности минуты. Подростки-дѣти, во главѣ съ сыномъ артистки, А. А. Ѳедотовымъ (тогда „Сашей“, а нынѣ уважаемымъ артистомъ московскаго Малаго театра), на лѣстницѣ ожидали Тургенева.

Онъ старался быть ласковымъ, привѣтливымъ, ставилъ свою подпись на подносимыхъ ему для того экземплярахъ его сочиненій, но разочаровалъ ожиданія собравшихся для его встрѣчи. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ только-что совершившимся, и шумный, быть можетъ, лишь наполовину искренній привѣтъ разношерстной публики застилалъ для него теплое и сердечное обожаніе маленькаго кружка полудѣтей, которымъ собравшая ихъ подъ свой кровъ Г. Н. Ѳедотова своей русской душой подсказывала, какъ надо любить русскаго писателя.

Послѣ этихъ овацій Тургеневъ заболѣлъ обычнымъ припадкомъ подагры и лишь недѣли двѣ спустя попалъ въ Петербургъ. Московскія вѣсти давно уже дошли до сѣверной столицы и приподняли настроеніе молодежи. Трехнедѣльное пребываніе Тургенева въ Петербургѣ было сплошнымъ тріумфомъ.

V.

За это время мнѣ чуть не ежедневно приходилось видѣть Тургенева. Крайне застѣнчивый въ молодости, я не утруждалъ бы его своими посѣщеніями, но онъ такъ добро настаивалъ на ихъ учащенности, что, отвѣчая личному своему порыву, оставалось только слѣдовать приглашенію Ивана Сергѣевича.

Его номеръ на четвертомъ этажѣ „Европейской гостинницы" за эти недѣли обратился въ какой-то проходной дворъ. Рядомъ съ извѣстнѣйшими людьми, корифеями журналистики и литературы, тутъ бывали первые встрѣчные, студенты, курсистки, депутаціи отъ самозванныхъ кружковъ.

Съ утра являлся неизмѣнный Александръ Васильевичъ Топоровъ. Покойный Топоровъ былъ сверхштатнымъ придворнымъ дантистомъ и ютился въ маленькой квартирѣ казеннаго дома на углу Сергіевской и Фонтанки. Что было общаго, что могло быть общаго между этимъ добродушнымъ, не выдумавшимъ пороху человѣкомъ и И. С. Тургеневымъ,—трудно понять. Но Тургеневъ въ Петербургѣ не могъ обойтись безъ Топорова. Утромъ, бывало, Иванъ Сергѣевичъ, въ вязанной коричневой курткѣ-варезѣ, въ широкихъ „спальныхъ" штанахъ, въ туфляхъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, а если въ его помѣщеніи была печка,—къ натопленной печкѣ, стоитъ, заложивъ руки за спину, а А. В. Топоровъ, въ черномъ сюртукѣ, съ выхоленной, расчесанной на-двое черной бородой, сидитъ въ креслѣ и повѣствуетъ. Онъ разсказывалъ напечатанное въ утреннихъ газетахъ, новости городскія, придворныя, были и небылицы, которыхъ въ Петербургѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Онъ говорилъ, а Тургеневъ слушалъ. Онъ могъ его слушать часами, прекрасно понимая, что добрая половина повѣствованій А. В. Топорова не имѣетъ подъ собой никакой почвы правдоподобія.

Тургеневъ цѣнилъ Топорова чрезвычайно. Когда фотографъ Шапиро затѣялъ издавать портреты выдающихся русскихъ писателей и въ этомъ самомъ 1879 году уговорилъ Тургенева сняться у него, то первый оттискъ большого портрета былъ подаренъ Тургеневымъ Топорову, причемъ въ подписи подъ портретомъ Иванъ Сергѣевичъ называлъ себя другомъ А. В. Топорова. Портретъ этотъ красовался затѣмъ въ скромномъ кабинетѣ Топорова на первомъ мѣстѣ, окруженный однимъ изъ безчисленныхъ лавровыхъ вѣнковъ, поднесенныхъ тогда Тургеневу. Топорову же умирающій Тургеневъ поручилъ продажу Глазунову посмертнаго изданія своихъ сочиненій.

Бесѣда Ивана Сергѣевича съ Топоровымъ часамъ къ одиннадцати прерывалась посѣтителями. Въ ту пору въ „Европейскую гостин-

ницу“ ходили, какъ на поклонъ. Какъ сейчасъ, вижу А. Д. Галахова, пришедшаго точно экзаменовать Тургенева.

— Ну, что вы скажете намъ, Иванъ Сергѣевичъ, о французскихъ писателяхъ?—спрашивалъ Галаховъ.

Тургеневъ отзывался и лились неистощимые разсказы. И тотъ, кто разсказывалъ, и тѣ, о комъ говорилось, сошли уже въ „могильну сѣнь“, но справедливость побуждаетъ сказать, что изъ французскихъ друзей своихъ Иванъ Сергѣевичъ не говорилъ никогда дурно лишь о Густавѣ Флоберѣ. Эдмондъ Гонкуръ, котораго Тургеневъ уважалъ, не былъ избавленъ отъ насмѣшекъ, буржуазное скопидомство Эмиля Золя, похожденія и нескромныя болѣзни Альфонса Додэ обличались Тургеневымъ въ полной остроумія рѣчи. Сообщеній Тургенева по этому поводу нельзя и повторить. А. Додэ, найдя въ письмахъ Тургенева, опубликованныхъ послѣ его смерти, отзывы о себѣ, его не удовлетворившіе и огорчившіе, проклялъ память своего русскаго друга. Додэ былъ неправъ: Иванъ Сергѣевичъ высоко ставилъ автора „Рислера старшаго и Фромопа младшаго“, „Джэка“, „Набоба“, но въ немъ, какъ и во многихъ русскихъ людяхъ, не умирала та сторона характера Собакевича, по которой выходило, что одинъ прокуроръ—порядочный человѣкъ, „да и тотъ, если сказать правду, свинья“.

Всѣ эти разсказы Тургенева, попавшаго тогда, внезапно для него самого, въ такую моду, повторялись на разные лады, съ прикрасами и добавленіями.

Молодежь шла къ Тургеневу вереницами. У него въ номерѣ нерѣдко появлялись депутаціи за депутаціями. Приносили напыщенные или безтолковые адресы, лавровые вѣнки. Нѣкоторыя изъ дѣвицъ тащили съ собою собраніе сочиненій Тургенева и просили его поставить подпись на заглавномъ листѣ перваго тома. Иванъ Сергѣевичъ не отказывалъ, и выходило, какъ будто онъ подарилъ этой самой дѣвицѣ полное собраніе своихъ произведеній. Другія прямо требовали подарка. Послѣднее салаевское изданіе Тургенева, столь богатое невозможными опечатками и дорогой цѣной, еще не вышло. Предъидущее изданіе, куда не вошелъ недавно написанный романъ „Новь“, было почти исчерпано, но въ номерѣ у Тургенева было нѣсколько экземпляровъ стараго изданія, равно какъ и нѣсколько экземпляровъ „Нови“. Тургеневъ дарилъ поклонницамъ по тому. Онѣ спорили между собою, кому какой томъ взять, рвали книги изъ рукъ другъ у друга и кричали, какъ галчата передъ вечеромъ. Одна вопіяла: „Мнѣ „Новь“ досталась! Ахъ! Какъ я рада!“ Тургеневъ улыбался въ бороду. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не сознавать, что, быть можетъ, полгода назадъ та же необузданная поклонница предавала его проклятіямъ за ту же самую никому не угодившую „Новь“. Но Тургеневъ, тяготясь этимъ преувеличеннымъ

обожаніемъ, уже шелъ по его руслу и наскоро дѣлалъ посвятительныя надписи на своихъ сочиненіяхъ.

Тургеневу въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ приходилось участвовать и во многихъ публичныхъ чествованіяхъ его. На одномъ литературномъ обѣдѣ онъ закончилъ свою рѣчь словами Пушкина: „въ надеждѣ правды и добра гляжу впередъ я безъ боязни". Слова эти какъ разъ подходили къ тѣмъ смутнымъ днямъ начала 1879 года, когда вѣсти о политическихъ преступленіяхъ смѣнялись одна другою и когда уже немного дней оставалось до выстрѣла Соловьева, открывшаго двухлѣтнюю эпопею гнуснѣйшихъ покушеній на великодушнаго Монарха.

Тургеневъ участвовалъ въ литературныхъ вечерахъ, на которыхъ его имя служило необыкновенной приманкой. На вечерѣ—не припомню, какихъ курсистокъ—оваціи дошли почти до скандала. Одна дѣвица бросилась подавать Тургеневу калоши, другая выдавила стекло во входной двери, стремясь увидать еще разъ обожаемаго ею писателя.

На вечерѣ, въ залѣ Кононова, въ пользу литературнаго фонда, гдѣ читали всѣ корифеи нашей словесности, гдѣ Ѳ. М. Достоевскій прочелъ неизданную еще главу „Братьевъ Карамазовыхъ", Тургеневъ читалъ „Бирюка" изъ „Записокъ Охотника" и, вмѣстѣ съ Марьей Гавриловной Савиной, сцену изъ „Провинціалки", — объясненіе провинціалки съ графомъ. Чтеніе Тургенева нельзя было назвать выразительнымъ, но когда онъ читалъ одинъ повѣствовательную вещь, то его спокойная манера создавала извѣстную прелесть его передачѣ. При чтеніи же вдвоемъ театральной сцены, Тургеневъ сконфузился, какъ мальчикъ, предъ блещущимъ обаяніемъ М. Г. Савиной. Онъ пробормоталъ типичную роль графа, но это не помѣшало бурнымъ рукоплесканіямъ. Апплодировали не искусству чтенія, а Тургеневу. Въ залѣ негдѣ было не только сидѣть, но и стоять, а рукоплесканія и крики слышались со всѣхъ сторонъ. Кричали тѣ даже, кто не слыхалъ чтенія, а только толокся въ боковыхъ залахъ.

Въ ту пору Тургеневъ познакомился съ М. Г. Савиной, сразу оцѣнилъ ея тонкое дарованіе и до конца жизни сохранилъ къ ней самыя дружественныя чувства. Савина тогда только что поставила „Мѣсяцъ въ деревнѣ",—къ сожалѣнію, въ приспособленіи В. А. Крылова, а не по тургеневскому тексту. Пьеса была обставлена великолѣпно. Наталью Петровну играла А. И. Абаринова, студента Бѣляева—М. М. Петипа. Савина создала роль Вѣрочки, оставшуюся украшеніемъ ея разнороднаго репертуара. Тургенева уговорили поѣхать въ Александринскій театръ. Онъ долго не соглашался, увѣрялъ, что не любитъ своихъ драматическихъ сочиненій и отчасти стыдится ихъ. А. В. Топоровъ предположилъ, что Тургеневъ не хо-

четъ видѣть своей пьесы въ чужой передѣлкѣ. Тогда онъ началъ разсказывать Тургеневу, въ чемъ заключаются измѣненія, и объяснять, что они уже не такъ велики, какъ можно было бы думать. Онъ велъ свой „докладъ“ по сценамъ. Иванъ Сергѣевичъ слушалъ, зѣвая, и, наконецъ, лѣниво проговорилъ:

— Да неужели вы полагаете, Александръ Васильевичъ, что я помню „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ по сценамъ? Много-много, если я сумѣю разсказать въ общихъ чертахъ его содержаніе.

Въ театръ Тургеневъ поѣхалъ. Его усадили въ директорскую ложу, откуда онъ и отвѣчалъ на рукоплесканія публики поклонами. Театръ буквально стоналъ отъ овацій. Кричали, махали платками. Старъ и младъ, мужчины и женщины, даже дѣти, въ подражаніе взрослымъ, кричали: „Иванъ Сергѣевичъ! Иванъ Сергѣевичъ!“ Тургеневъ уже сталъ привыкать къ оваціямъ, немного скучать отъ нихъ, но вполнѣ отдѣлаться отъ замѣшательства при взрывѣ восторговъ не могъ.

Дѣлами сестры Тургеневъ, несмотря на всю суматоху его петербургскаго пребыванія, занялся обстоятельно. Онъ писалъ ей отъ 14 марта 1879 года.

Милая Любовь Яковлевна!

Спѣшу передать вамъ наши окончательныя условія съ Стасюлевичемъ:

1) Повѣсть ваша печатается въ сентябрѣ или октябрѣ—*заразъ* въ одной книжкѣ. Такъ какъ въ майской все мѣсто уже переполнено—романомъ Полонскаго и др.

2) Цѣна за листъ 100 рублей.

3) Стасюлевичъ приказалъ очень просить васъ, чтобы вы не подписались своей настоящей фамиліей,—а выбрали бы какой-нибудь псевдонимъ,—и даже обратился ко мнѣ съ предложеніемъ быть вашимъ крестнымъ отцомъ. Ст(асюлевичъ) боится, что при появленіи вашего имени, всѣ старыя дрязги зашевелятся и „маленькая“ пресса залаетъ, тѣмъ болѣе, что само содержаніе вашего романа дастъ ей поводъ къ такимъ упражненіямъ. Въ случаѣ, еслибы согласились на это, то, конечно, я почелъ бы за честь найти вамъ имя—или попытаться найти; а, можетъ быть, у васъ оно уже есть на этотъ случай?

4) Ст(асюлевичъ) также предполагаетъ вмѣсто заглавія „В(аренька) У(льмина)“ — заглавіе „Митя“, какъ болѣе, по его мнѣнію, подходящее и для читателя яко-бы болѣе вкусное. Но это, конечно, зависитъ совершенно отъ васъ.

5) Наконецъ Ст(асюлевичъ) выговорилъ себѣ право сдѣлать *весьма незначительныя* сокращенія между вашими „гостями“.

Будьте такъ добры и на всѣ эти пункты отвѣтьте и ему, и мнѣ, по моему парижскому адресу, такъ какъ я отсюда уѣзжаю въ воскресеніе. Посылаю вамъ фотографію едва-ли вполнѣ удовлетворительную.

Я на дняхъ обѣдалъ съ вашими братомъ en tête-à-tête. Я говорилъ съ нимъ о предложеніяхъ Стасюлевича.

Чтенія, оваціи и т. д.—продолжаются и здѣсь, какъ въ Москвѣ; но, между нами, какъ я имъ ни радъ, а вздохну свободно, когда они кончатся, и я снова попаду въ свое тихое гнѣздышко. Кланяюсь вашей матушкѣ, крѣпко жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Въ Парижѣ я буду ожидать присылки какой-нибудь *новой* вещи.

Тотъ обѣдъ со мною en tête-à-tête, о которомъ пишетъ Тургеневъ, былъ единственнымъ разомъ за всю его бытность въ Петербургѣ, когда мнѣ удалось поговорить съ нимъ обстоятельно. Онъ выспрашивалъ меня о моихъ литературныхъ вкусахъ и заставилъ признаться, что я втихомолку занимаюсь беллетристикой. Я не могъ показать ему ничего законченнаго, да и самъ считалъ свои попытки неудачными, какъ то и было на самомъ дѣлѣ, но Тургеневъ взялъ съ меня слово писать ему о моихъ намѣреніяхъ, работахъ... Я и писалъ ему потомъ съ полной искренностью. Тутъ же Тургеневъ вновь предложилъ мнѣ свою рекомендацію къ И. И. Маслову, но я обратился къ нему за нею лишь позже лѣтомъ 1879 года (см. I письмо Тургенева ко мнѣ въ концѣ этой статьи).

Наконецъ, пора было собираться и въ Парижъ. Тургеневъ уже забросилъ табакерку и отдалъ А. В. Топорову темные фуляры, которые тотъ для него покупалъ, въ виду нюхательнаго періода.

Провожать Тургенева на вокзалъ варшавской желѣзной дороги собралось множество народа. Видимо ему это было непріятно. Дѣйствительно привѣтливымъ онъ былъ съ одной М. Г. Савиной. Но на прощаніе сказалъ каждому по нѣсколько пріятныхъ словъ, а затѣмъ сталъ подставлять, точно обрядъ совершая, попеременно свои щеки для поцѣлуевъ.

VI.

Выпавшія на долю Тургенева оваціи не прошли ему даромъ. Въ концѣ того же 1879 года въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появился рядъ статей противъ Тургенева. Онѣ были подписаны псевдонимомъ „Иногородняго обывателя“ и принадлежали перу Б. М. Маркевича. Озлобленный тонъ этихъ замѣтокъ былъ прямо оскорбителенъ для Тургенева. Поводомъ къ написанію замѣтки послужила рекомендація Тургеневымъ въ газету „Temps“ статьи эмигранта И. Я. Павловскаго (впослѣдствіи парижскаго корреспондента „Новаго Времени“)—„Въ одиночномъ заключеніи“. Маркевичъ говорилъ „объ опозоренныхъ сѣ-

динахъ“ Тургенева, о его „кувырканьи передъ лохматыми шалопаями“ и, въ концѣ концовъ, обвинялъ Тургенева чуть не въ содѣйствіи тогдашнему революціонному движенію.

Въ отвѣтъ на эту выходку Тургеневъ охарактеризовалъ словами „безобразія послѣдняго времени“ тогдашнія проявленія крамолы. Маркевичъ мстилъ Тургеневу за тѣ презрительныя слова, которыя ему посвятилъ въ „Нови“ нашъ романистъ. Конечно, не Маркевичу, съ темными страницами его жизни, было говорить о чьихъ бы то ни было опозоренныхъ сѣдинахъ. Едва-ли М. Н. Катковъ, помѣстившій статьи Маркевича, не раскаивался потомъ въ этомъ. По крайней мѣрѣ, черезъ полгода, на торжествахъ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, на обѣдѣ городской думы, Катковъ протянулъ бокалъ, чтобы чокнуться съ Тургеневымъ. Тургеневъ, не понявъ и не оцѣнивъ этого добраго порыва, отставилъ свой бокалъ въ сторону и далъ либеральной печати лишній поводъ терзать имя Каткова и поносить его.

Въ тѣ дни я, помню, не удержался и съ искренней горечью молодости сказалъ Тургеневу: „Зачѣмъ вы это сдѣлали?“

— А зачѣмъ же я буду,—отвѣчалъ съ раздраженіемъ Тургеневъ,— мириться съ нимъ въ праздникъ, чтобы потомъ опять ссориться въ будни.

На всѣхъ, любящихъ Тургенева, статьи Маркевича произвели самое прискорбное впечатлѣніе и вызвали самое горячее негодованіе.

Надо было хотя немного знать Тургенева, чтобы понять всю предвзятую ложь выходки Маркевича.

Тургеневъ дѣйствительно принималъ у себя въ Парижѣ нашихъ „эмигрантовъ“, помогалъ имъ находить занятія, ссужалъ ихъ деньгами. „Эмигранты“ беззастѣнчиво лѣзли къ нему, многіе его эксплоэтировали.

Тогдашній посолъ нашъ во Франціи, князь Н. А. Орловъ, очень любившій Тургенева, не разъ подшучивалъ, при встрѣчахъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, надъ его „пристрастіемъ“ къ нигилистамъ.

Пристрастія никакого не было, а была извѣстная нравственная распущенность, духовная мягкость, къ которой, увы, склоненъ русскій человѣкъ. Тургеневъ, напримѣръ, выдавалъ ежегодно извѣстному революціонеру П. Л. Лаврову по 500 франковъ. Говорили, что деньги эти выдавались на изданіе революціоннаго журнала „Впередъ“. Самый размѣръ суммы показываетъ, что такая малость не могла бы поддержать никакого журнала, а духъ, манера и содержаніе этого грязнаго зарубежнаго органа такъ расходились съ изяществомъ, съ воззрѣніями, со всѣмъ существомъ Тургенева, что прямо смѣшно и дико сопоставлять беззубый кровавый лай грязнаго журнала съ именемъ человѣка, написавшаго „Дворянское гнѣздо“. Тургеневъ отно-

сился къ Лаврову съ насмѣшкой и нѣкоторымъ презрѣніемъ, а все-таки водилъ съ нимъ знакомство и оказывалъ ему помощь.

Тургеневъ не искалъ овацій молодежи въ 1879 году и не ожидалъ ихъ. Когда же онѣ совершились, онъ обрадовался выраженію чувствъ, отъ которыхъ отвыкъ, но не пошелъ ни на какія уступки и ни на какія заигрыванія. Однако, онъ никому изъ молодыхъ людей, говорившихъ ему иногда вещи, которыя должны были его возмущать, не далъ отпора, не возразилъ твердо и властно, какъ, казалось бы, была въ томъ его обязанность стараго, установившагося авторитетнаго человѣка.

Какъ всѣ люди съ слабымъ характеромъ, Тургеневъ избѣгалъ рѣшительныхъ дѣйствій и шелъ по теченію, предоставляя событіямъ совершаться, но не направляя ихъ.

Въ доброе старое время наши деревенскія усадьбы бывали широко открыты для „странныхъ“ (странствующихъ) людей. Оказывали гостепріимство и истинному подвижнику и богомольцу, оказывали его и пройдохѣ, и обманщику. Старый укладъ неразборчиваго гостепріимства увезъ за собою Тургеневъ и въ Парижъ, и какъ его дѣды пріючали странниковъ, такъ онъ оказывалъ пособія „эмигрантамъ“.

И много такихъ стародавнихъ русскихъ чертъ было въ Тургеневѣ. Развѣ въ своихъ отношеніяхъ къ милѣйшему А. В. Топорову Тургеневъ, слушая его разсказы, не напоминалъ отчасти фонвизинскаго Тараса Скотинина, который непремѣнно долженъ былъ выслушать отъ „выборнаго“ исторію, которыя тотъ мастеръ былъ разсказывать, не напоминалъ старыхъ баръ, при которыхъ непремѣнно состояли для услугъ мелкопомѣстные сосѣди?

Одѣть Тургенева въ ризу смутьяна и убѣжденнаго покровителя нигилистовъ могъ только Маркевичъ въ своей неутолимой злобѣ.

Маркевичу тогда отвѣчали многіе. Никто не сталъ на его сторону. Довелось и мнѣ тогда въ началѣ 1880 года выпустить брошюру „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и „Московскія Вѣдомости“. Я послалъ одинъ экземпляръ ея Тургеневу, прибывшему тогда въ Петербургъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ (см. письмо II въ приложенныхъ къ этой статьѣ письмахъ Тургенева), въ которомъ говорилъ: „Чѣмъ скорѣе все это дрянное дѣло забудется, тѣмъ лучше... до того ли теперь?“. Письмо помѣчено 15 февраля 1880 года, т. е. писано черезъ десять дней послѣ взрыва 5 февраля въ столовой Зимняго дворца. Разумѣется, было не до того, но въ ту пору многіе, точно ослѣпнувъ, не сознавали, куда мы идемъ и что намъ грозитъ.

Наоборотъ, назначеніе верховной распорядительной комиссіи съ графомъ Лорисомъ-Меликовымъ во главѣ казалось рѣшеніемъ всѣхъ затрудненій и многіе, по легкомыслію, смотрѣли впередъ бодро и даже весело.

VII.

Въ это самое время должно было состояться, 26 мая 1880 года, въ годовщину рожденія Пушкина, открытіе ему памятника въ Москвѣ. Къ празднику этому готовились усиленно. Ожидалось собраніе въ Москвѣ всѣхъ нашихъ выдающихся писателей. И точно, за исключеніемъ Гончарова и Льва Толстого, собрались всѣ. Кто бы сказалъ тогда, видя вмѣстѣ Тургенева, Достоевскаго, Писемскаго, директора московской консерваторіи Николая Рубинштейна, что первому изъ нихъ остается жить три года, а остальнымъ менѣе года? Кто предвидѣлъ тогда, что и предсѣдателю комитета по сооруженію памятника, принцу Петру Ольденбургскому, жить осталось тоже около года, что смерть уже витаетъ и надъ главою Царя, при которомъ задуманъ и сооруженъ памятникъ первому нашему поэту?

Тургеневъ волновался чрезвычайно предстоящимъ торжествомъ. Въ квартирѣ Ивана Ильича Маслова происходили по утрамъ собранія съѣзжавшихся заблаговременно гостей. Для написанія рѣчи о Пушкинѣ Тургеневъ уѣзжалъ къ себѣ въ Спасское. Ему хотѣлось, чтобы я видѣлъ всѣ торжества и описалъ ихъ, по порученію какой-либо редакціи. Изъ этого ничего не вышло, но на память мнѣ осталось письмо Тургенева, которое подъ № III приложено къ этой статьѣ.

Около 20 мая Тургеневъ вернулся въ Москву. До торжества оставалось менѣе недѣли. Вдругъ, 22 мая вечеромъ была получена грустная вѣсть о кончинѣ Государыни Императрицы Маріи Александровны. Открытіе памятника отлагалось, какъ говорили, до 19 октября (лицейская годовщина). Но покойный Государь Александръ II, принявъ во вниманіе, что въ Москву съѣхалось много народу, разрѣшилъ 4 іюня открыть памятникъ. Вслѣдствіе опозданія принца Ольденбургскаго памятникъ открыли 6 іюня. Этотъ день и послѣдующіе два были посвящены Пушкинскимъ торжествамъ.

Пока было не выяснено—будетъ ли открытіе памятника, Тургеневъ отъ волненія заболѣлъ. У него появились какія-то жгучія боли между лопатокъ. Это было первымъ вѣстникомъ страшной болѣзни, сведшей его черезъ три года въ могилу. Лечился онъ средствами, которыя самъ сочинялъ, какимъ-то комаринымъ масломъ. Помогло, вѣроятно, не это масло, а крайнее нервное возбужденіе передъ торжествами. Тургеневъ собиралъ у себя П. В. Анненкова, Я. П. Полонскаго, Д. В. Григоровича, молодого московскаго профессора М. М. Ковалевскаго, и каждое утро шли безконечные споры о программѣ празднествъ, которая и зависѣла не отъ Тургенева, а отъ предсѣдателя общества любителей россійской словесности С. А. Юрьева.

Юрьевъ былъ разсѣянъ, какъ никто, и потому выходила безпре-

рывная путаница. Такъ, Я. П. Полонскій долго не зналъ, въ какой моментъ ему читать свое стихотвореніе въ честь Пушкина. Общество любителей россійской словесности устраивало два торжественныхъ засѣданія 7 и 8 іюня, во время которыхъ должны были быть произнесены рѣчи и стихи въ память Пушкина и два литературно-музыкально-театральныхъ вечера 6 и 8 іюня, посвященныхъ чтенію и исполненію въ музыкѣ и на сценѣ пушкинскихъ произведеній. Было ясно, что Я. П. Полонскій долженъ былъ читать свое стихотвореніе утромъ на засѣданіи. Полонскій поѣхалъ записываться къ Юрьеву и напуталъ.

Какъ сейчасъ вижу, Тургеневъ волнуется, бѣгаетъ по комнатѣ и твердитъ:

— Онъ напутаетъ, этотъ Яковъ Петровичъ, непремѣнно напутаетъ.

— Да вы сядьте, успокойтесь, Иванъ Сергѣевичъ,—уговариваетъ флегматично Н. В. Анненковъ.

Входитъ на своемъ костылѣ Полонскій. Лицо торжественное. Видимо дѣло сдѣлалъ.

— Ну, записался?—бросается къ нему Тургеневъ.

— Записался.

— На утро?

— Нѣтъ! На вечеръ.

Тургеневъ, вдругъ присѣдаетъ почти до полу и начинаетъ визжать, а затѣмъ нельзя хуже браниться и кричать: „Я такъ и зналъ, такъ и зналъ!“

Полонскій смотритъ съ удивленіемъ и не понимаетъ, за что на него обрушился его старинный другъ. Наконецъ, пустое недоразумѣніе улаживается. Предлагаю свои услуги съѣздить къ Юрьеву. Тургеневъ пишетъ письмо къ нему и сразу утихаетъ.

Во время этихъ праздниковъ сангвиническій темпераментъ Тургенева высказался особенно ярко.

Тутъ не мѣсто описывать тѣ незабвенные, невозвратные дни когда у подножія Пушкина собрался цвѣтъ нашей словесности, нынѣ почивающій въ могилѣ. Достаточно припомнить, что рѣчи говорили Тихонравовъ, Сухомлиновъ, Гротъ, Юрьевъ, Анненковъ, Писемскій, И. С. Аксаковъ, Тургеневъ, Достоевскій, что стихи читали Майковъ, Полонскій, „Скупого рыцаря“ игралъ Самаринъ, хоромъ любителей дирижировалъ Николай Рубинштейнъ, читали произведенія Пушкина Островскій, Писемскій, Григоровичъ, Тургеневъ, Достоевскій,—чтобы понять, какое это было исключительное торжество.

Здѣсь отмѣчаю лишь то, что касается Тургенева. Тургеневъ стремился, очевидно, къ сближенію со всѣми своими сверстниками и товарищами по перу (кромѣ Каткова). Вѣнокъ изъ собора Страстного монастыря къ памятнику, въ день его открытія, несли два Ивана

Сергѣевича—Аксаковъ и Тургеневъ. Аксаковъ въ своей рѣчи о Пушкинѣ, восхваляя слово Достоевскаго, сказалъ, что рѣчи Ѳедора Михайловича одинаково рукоплескали, какъ онъ, считаемый главою славянофиловъ, такъ и глава западниковъ—Тургеневъ. Энергичными жестами Тургеневъ отрицался отъ западничества и отъ главенства въ этомъ направленіи. Достоевскій же, ненавидѣвшій Тургенева, въ своей рѣчи поставилъ, однако, на одну доску пушкинскую Татьяну и Лизу изъ „Дворянскаго гнѣзда".

Для чтенія своего на пушкинскомъ литературномъ вечерѣ Тургеневъ выбралъ „Опять на родинѣ". Это было весьма удачно. Грустная элегія подходила къ сѣдинамъ этого вѣчно отсутствующаго съ родины русскаго человѣка. Образъ двухъ сосенъ, ростущихъ рядомъ и окруженныхъ молодою порослью, и одинокой сосны былъ какъ бы аллегоріей личной жизни и судьбы Тургенева. Ему рукоплескали до безконечности, кричали „бисъ". Тургеневъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить. Всѣ смолкли. Онъ прочиталъ „Тучу". Чудные стихи эти, всѣми затверженные наизустъ съ дѣтства, показались чѣмъ-то новымъ. Такова сила настроенія массы. Стихотвореніе показалось политическимъ, относящимся къ переживаемому времени. Не замолкли ли неистовства крамолы? Не настала ли лазурь небесная въ видѣ „диктатуры сердца"? Хотѣлъ ли Тургеневъ такого впечатлѣнія,—не знаю, но оно было произведено. Послѣ его чтенія слѣдовалъ антрактъ. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Мнѣ на встрѣчу попался И. И. Масловъ. Лицо его было мокро отъ слезъ. Онъ махалъ рукою и твердилъ: „Ахъ! Что онъ со мною сдѣлалъ, Иванъ Сергѣевичъ!"

Никто изъ рукоплескавшихъ и не подозрѣвалъ, что „диктатура сердца" вела къ 1-му марту и что въ то время, когда мы всѣ плавали въ морѣ поэзіи и радужныхъ надеждъ, быть можетъ, уже изготовлялся тотъ проклятый смертоносный снарядъ, который долженъ былъ черезъ девять мѣсяцевъ прервать жизнь Царя-Освободителя.

VIII.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось увидѣть Тургенева въ 1881 г., въ концѣ мая. Это были грустные для меня дни. Покойная сестра моя посвятила себя тогда всецѣло уходу за нашей родственницей, дѣвочкой лѣтъ семи, которой сдѣлали операцію въ бедрѣ. Мать ребенка была очень рада сдать его на руки добровольной сидѣлки. Непосильный трудъ ухода и тревоги о больной погубили здоровье сестры. Ея легкія, уже потрясенныя тремя прежними воспаленіями, были поражены началомъ туберкулеза. Къ этому присоединилась

страшная личная невралгія (второй пары тройничнаго нерва). Сестра стала на себя не похожа.

Когда Тургеневъ, пріѣхавъ въ Москву, посѣтилъ сестру, жившую съ больной въ меблированныхъ комнатахъ, онъ ахнулъ. Пробывъ недолго у сестры, онъ, уходя отъ нея, встрѣтилъ меня на лѣстницѣ.

— Поѣдемте со мною, я хочу васъ разспросить.

Я разсказалъ ему исторію болѣзни дѣвочки, семейныя обстоятельства, причины, побудившія сестру замѣнить мать.

— Все это прекрасно, но, вѣдь, есть же прекрасныя дѣтскія больницы, куда можно было помѣстить ребенка.

— Сестра не хотѣла.

— Да вы-то, ваша матушка, какъ допустили?

— Что же я буду дѣлать? Я истощилъ всѣ убѣжденія.

— Нѣтъ! Это ужасно. Вхожу. Среди пустой комнаты стоитъ постель съ ребенкомъ, похожимъ на мертвеца. Сѣсть негдѣ. Мебель вынесена, по требованіямъ гигіены. Любовь Яковлевна выходитъ— не узнаю. Она годъ назадъ была такъ полна жизни, такъ цвѣла, такъ заботилась о своемъ туалетѣ. А тутъ постарѣвшая, исхудавшая, съ еле-убранными волосами, въ какой-то фланелевой блузкѣ. Глаза горятъ нездоровымъ огнемъ. Говорить ни о чемъ, кромѣ какъ о больной, не можетъ...

— Ахъ! Ужъ и не говорите, Иванъ Сергѣевичъ. Что же съ этимъ подѣлаешь!

— Да нельзя же, мой милый, дѣлать изъ своей жизни подкладку чужой. Хорошихъ сидѣлокъ можно найти сколько угодно, а талантливымъ писателемъ надо родиться. Это—безуміе какое-то.

Тургеневъ неоднократно уговаривалъ затѣмъ сестру подумать о себѣ, звалъ ее въ Спасское отдохнуть, но Любовь Яковлевна уже не могла остановиться. Къ концу года она заболѣла настолько, что пришлось посылать ее въ Ментону, гдѣ ее подправили и дали ей возможность прожить вѣчно больною еще 19 лѣтъ.

По пріѣздѣ сестры въ Парижъ Тургеневъ окружилъ ее отеческими заботами. Онъ самъ прибиралъ нанятую для сестры комнату, замѣтивъ, что изъ двери дуетъ, привезъ изъ дому коверъ и лично повѣсилъ его надъ дверью.

Въ январѣ 1882 года Тургеневъ, собираясь ѣхать обѣдать къ Тэну, вдругъ почувствовалъ въ сильнѣйшей степени ту боль въ спинѣ, которая его мучила въ 1880 году. Онъ слегъ и уже не оправился болѣе. 22 августа 1883 года его не стало.

Въ бытность Тургенева въ Россіи въ 1881 году я послалъ ему свою повѣсть „Изъ записокъ неудавшагося адвоката“, не увидавшую никогда свѣта. Да и слава Богу. Въ повѣсти точно, какъ вѣрно за-

мѣтилъ Тургеневъ, не было творчества. Приложенныя здѣсь письма (за №№ IV, V, VI и VII) относятся къ этой повѣсти.

IX.

Отрывочныя воспоминанія эти не тщатся обрисовать крупной личности Тургенева. Они даютъ лишь нѣсколько лишнихъ чертъ къ его характеристикѣ. Но, заканчивая эту замѣтку, мнѣ хотѣлось бы думать, что читатель, какъ и я, понимаетъ Тургенева и не видитъ въ немъ отщепенца отъ Россіи.

Рабъ личнаго чувства, Тургеневъ говаривалъ, что еслибы семья Віардо жила въ Стокгольмѣ или Копенгагенѣ, „самыхъ скучныхъ городахъ міра", то и онъ бы тамъ жилъ. Сколько разъ собирался онъ переѣхать въ Россію—и возвращался въ свои три комнаты на верхнемъ этажѣ дома, занимаемаго Віардо.

Цѣнили ли его тамъ? Едва ли. Ему позволяли „дѣлать изъ своей жизни подкладку чужой", отчего онъ такъ остерегалъ другихъ.

Россію Тургеневъ любилъ и былъ истинно-русскимъ человѣкомъ. Самый либерализмъ его походилъ не на политическую программу, а на обычное многимъ, безцѣльное брюзжаніе („И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ, что еслибъ кто подслушалъ ихъ—бѣда", какъ говоритъ Фамусовъ у Грибоѣдова).

Одна изъ поклонницъ Тургенева, желая его похвалить, сказала, что любитъ его сочиненія за то, что въ нихъ о Богѣ ничего нѣтъ. Тургеневъ не выдралъ ее за уши, но много потомъ смѣялся похвалѣ. И трудно не смѣяться. Какъ о Богѣ ничего нѣтъ? А въ Лизѣ Калитиной нѣтъ, что ли, вѣры въ Бога!

Создать эту Лизу, создать Наталью („Рудинъ"), Асю, Зинаиду („Первая любовь"), Харлова („Степной король Лиръ"), написать „Пѣвцовъ", „Бѣжинъ лугъ" могъ лишь коренной русскій человѣкъ.

Кто, какъ только русскій, могъ устами Лежнева въ „Рудинѣ" (глава XII) сказать:

„Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ—чепуха, нуль, хуже нуля: внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица: только пошлое лицо возможно безъ физіономіи".

Только русскій человѣкъ на смертномъ уже одрѣ могъ начертать стихотвореніе въ прозѣ—„Русскій языкъ":

„Въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій,

правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя,—какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!"

Слабости, увлеченія, недостатки Ивана Сергѣевича умерли съ нимъ. Живетъ и будетъ жить великій писатель, который въ твореніяхъ своихъ ни разу не погрѣшилъ противъ родины и не служилъ никакимъ кумирамъ, кромѣ искусства.

Семь писемъ И. С. Тургенева къ Н. Я. Стечькину.

I.

Bougival. Les Frênes. Châlet
Seine et Oise).
Суббота, 30/18 Авг. 79.

Любезнѣйшій Николай Яковлевичъ,

Посылаю Вамъ письмо къ Маслову (Его Пр—во Иванъ Ильичъ, живетъ въ Удѣльной конторѣ, на Пречистенскомъ бульварѣ). Душевно былъ бы радъ, еслибъ оно послужило Вамъ въ пользу.

Извините за нѣкоторое промедленіе. Я и безъ того у Васъ въ долгу за то большое и интересное письмо, которое Вы мнѣ написали, и на которое, по своей лѣни, не отвѣтилъ.—Я продолжаю думать, что Ваше настоящее призваніе—беллетристика, и надѣюсь, что получивъ мѣсто, которое бы Васъ хотя нѣсколько обезпечивало,—Вы будете имѣть довольно досуга для литературныхъ занятій. Съ этой точки зрѣнія Москва конечно предпочтительнѣе Кіева и потому я не слишкомъ горюю о Вашей тамошней неудачѣ.

Я и передъ вашей сестрой въ долгу; но этотъ долгъ я намѣренъ заплатить вскорѣ. Скажите ей, что я видѣлъ Стасюлевича мелькомъ (онъ черезъ недѣлю опять сюда пріѣдетъ и проживетъ здѣсь нѣсколько дней), онъ подтвердилъ мнѣ, что ея повѣсть явится въ октябрьской книжкѣ „В. Е." Сестра Ваша все еще не нашла подходящаго заглавія... „Невеселая повѣсть"—не очень мнѣ нравится. Придется, вѣроятно, озаглавить именемъ героини. Скажите также Вашей сестрѣ, что я съ нетерпѣньемъ ожидаю присылки ея разсказа.

Я, дѣйствительно, собираюсь на зиму въ Россію, если не случится чего-либо экстреннаго. Я васъ всѣхъ тогда увижу. Передайте мой дружескій поклонъ всѣмъ Вашимъ. Жму Вамъ крѣпко руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

II.

С.П.Бургъ,
На углу Малой Морской и
Невскаго, д. № 11 квар. 20.
Пятница, 15-е Февр. 80.

Любезный Николай Яковлевичъ,

Оправившись отъ болѣзни, въ которую я впалъ тотчасъ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, спѣшу выразить Вамъ мою благодарность за присылку Вашей брошюры, въ которой Вы такъ любезно заступаетесь за меня. Чѣмъ скорѣе все это дрянное дѣло забудется, тѣмъ лучше: да оно, я полагаю, уже и забылось... до того-ли теперь. Но чувство пріязни, руководившее Васъ, меня тронуло, и я Вамъ повторяю мое спасибо.

Мнѣ очень жаль и досадно, что Ваше положеніе все еще остается неупроченнымъ. Въ Москву я прибуду между 20—25 будущаго мѣсяца и очень былъ бы радъ встрѣтиться тамъ съ Вами. Сестрѣ я Вашей пишу сегодня же.

А пока прошу принять отъ меня увѣреніе въ моей искренней дружбѣ и пожеланіе всего хорошаго.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

III.

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловск. губ. гор. Мценскъ)
Середа. 14-го Мая 1880.

Любезнѣйшій Николай Яковлевичъ,

Я написалъ Стасюлевичу о Вашемъ предложеніи и вотъ что онъ мнѣ отвѣчаетъ:

„Предложеніе Н. С. удобно для газеты, а не для журнала: вѣдь придется печатать въ іюнѣ майскія дѣла. и 30 дней спустя говоритъ всё то, чѣмъ газеты успѣли намозолить глаза читателямъ“. Слѣдовательно, приходится обратиться къ газетѣ. Съ московскими (да и съ петербургскими) я знакомъ мало; попытайтесь появиться съ этимъ письмомъ въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“—это хорошая газета, и я здѣсь, въ деревнѣ аккуратно её читаю,—не захочетъ ли она. Или попытайтесь обратиться къ „Молвѣ“ (петербургской) и пошлите прилагаемую карточку. Къ сожалѣнію, вѣроятно уже всѣ запаслись корреспондентами.

С, А. Юрьеву я написалъ о мѣстахъ и я Вамъ вручу ихъ. Вы еще не знаете, пріѣдетъ ли Ваша сестра?

23 м. (т.-е., въ пятницу буд. недѣли) я непремѣнно въ Москвѣ.

До свиданья,—дружески жму Вамъ руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ

Я прилагаю 2 карточки: другую Вы могли бы послать въ „Недѣлю“, редакція которой (Гайдебуровъ) мнѣ хорошо знакома.

IV.

С. Спасское.
Орловской губ.
г. Мценскъ.
Суббота, 4-го іюня 81.

Любезнѣйшій Стечькинъ!

Симъ извѣщаю Васъ, что Вашъ романъ мною вчера полученъ. Непремѣнно приступлю къ чтенію и сообщу вамъ мое впечатлѣніе.

Вы мнѣ ничего не пишете о здоровьѣ вашей сестры, изъ чего я заключаю, что оно поправилось.

Дружески жму вашу руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

V.

С. Спасское-Лутовиново.
(Мценскъ).
10-е августа 1881.

Любезнѣйшій Стечькинъ!

Я виноватъ передъ Вашей сестрой и передъ Вами. Она мнѣ писала нѣсколько дней тому назадъ, а Вы мнѣ прислали свою повѣсть, которую я прочелъ съ интересомъ и вниманіемъ, и до сихъ поръ молчалъ, хотя былъ здоровъ. Правда, у меня занятій было много (также визиты и разъѣзды), но все же это не оправданіе. Мнѣ очень жаль было узнать, что здоровье Вашей сестры не поправляется и потому мѣшаетъ ей взяться за литературныя занятія, которыя, я увѣренъ, успокоили бы ее. Не думаю, чтобы было мнѣ возможно посѣтить Васъ, я полагалъ остаться здѣсь до сентября, а вышло вдругъ такое обстоятельство, что я долженъ выѣхать отсюда черезъ 7 дней и, не останавливаясь, ѣхать прямо въ Парижъ.

Что же касается до Вашей повѣсти, то я былъ бы радъ потолковать съ Вами попространнѣе объ этомъ предметѣ; ограничусь теперь слѣдующимъ: главный недостатокъ Вашей повѣсти состоитъ въ томъ, что это—вещь слишкомъ личная, собраніе портретовъ и воспроизведеніе вѣрное и искреннее, но случайной одной жизни. Другими словами: творчества или, говоря смирнѣе, обобщенія мало. Не смотря на это, вещь эта хорошая и честная, и ее слѣдуетъ напечатать. Хотите ли Вы чтобъ я попытался передать ее въ „Вѣстникъ Европы“? Тогда я повезу ее съ собою. Если же у Васъ есть другіе планы, сообщите мнѣ ихъ немедленно, до моего отъѣзда.

Поклонитесь всѣмъ Вашимъ, передайте Вашей сестрѣ выраженіе моего искренняго сочувствія и вѣрьте въ дружбу

Преданнаго Вамъ

Ив. Тургенева.

VI.

С.-Петербургъ.
Европейская гостинница.
Пятница, 28 авг. 1881.

Любезнѣйшій Н. Я.

Вашъ разсказъ былъ мною вчера переданъ съ надлежащей рекомендаціей г.г. Стасюлевичу и Пыпину,—и теперь остается ждать—чѣмъ рѣшатъ эти властелины писательскихъ судебъ. Адресъ ихъ Вамъ извѣстенъ, а Вашъ имъ переданъ.

Сегодня же отправлюсь въ дальній путь—и передъ отъѣздомъ крѣпко жму Вамъ руку и желаю всего хорошаго. Передайте мой поклонъ Вашей матушкѣ и сестрѣ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

VII.

Bougival.
Les Frênes.
Châlet.
Вторникъ, 25/13 окт.
1881.

Любезнѣйшій Стечькинъ!

Вернувшись изъ небольшого путешествія въ Англію, я нашелъ здѣсь Ваше письмо—и сегодня же написалъ Стасюлевичу, чтобъ онъ *соблаговолилъ* увѣдомить Васъ объ участи Вашей повѣсти! Продолжительное молчаніе еще не есть признакъ отказа (хотя симптомъ нехорошій); мнѣ извѣстны принятыя статьи, которыя ждали три года! А Вы, погодя немного, обратитесь къ нему съ запросомъ (ссылаясь на мое письмо) и сообщите Вашъ адресъ (который и я, съ своей стороны, ему сообщаю).

Поздравляю Васъ съ поступленіемъ на казенную службу. Хоть что-нибудь!

Очень мнѣ жаль, что Ваша сестра все еще болѣетъ. Поклонитесь ей отъ меня, а также Вашей матушкѣ и примите увѣреніе въ дружескихъ чувствахъ

Преданнаго Вамъ

Ив. Тургенева.

Цѣна 30 копѣкъ.

2010515710